

— Прежде у меня героини все плакали. Даже в комедии плакали. Помните «Девчат»? Я там Веру играла. Очень хорошую. И очень несчастную. Мне режиссеры счастливых играть никогда не предлагали. Так и ходила — «в хороших и несчастных»...

Гладко зачесанные волосы, мертво зашпиленный узел на затылке, твердые сухие губы, бледные, точно выцветшие, глаза. Походка жесткая, гремящая, по которой школьники за сто метров узнают свою учительницу словесности Светлану Михайловну. Еще слова не сказано с этой женщиной, еще не прозвучал ее голос, заранее убежденный в собственной правоте, еще не успела она ошеломирить набором твердо заученных банальностей, но мы уже угадываем, с кем на этот раз нас свела картина, ее авторы, актриса, занятая в роли Светланы Михайловны. Угадываем характер, судьбу, будущее этой женщины, которая вот уже двадцать лет переступает по утрам порог школьного здания и двадцать лет щетно ищет контакт со своими учениками.

В фильме «Доживем до понедельника» учительницу словесности Светлану Михайловну играет актриса Нина Меньшикова, та самая, что только что с горечью сказала о себе, что ходила «в хороших и несчастных».

Дебют, если идти от изначального, словарного значения этого слова, — это первое публичное выступление начинающего художника со своим произведением, будь то актер, музыкант, режиссер, писатель, и пусть Нина Меньшикова впервые появилась на экране более пятнадцати лет назад, о ее работе в фильме «Доживем до понедельника» мы вправе говорить, как о дебюте. Потому что Светлана Михайловна — Меньшикова не только открытие характера, но и интереснейшее, удивительное открытие возможностей актрисы. Поразительней всего то, что, сыграв человека эмоционально вроде бы глухого, уныло прямолинейного, педагога, который всего более опасается самостоятельности мышления, в своих учениках, Меньшикова вызвала не только закономерный протест против таких людей, но и простую жалость к себе, к человеку, не соразмерившему себя со временем, к человеку, едва ли не безнадежно остановившемуся и отставшему. Меньшикова обнаружила не только лицо, но и изнанку характера, отказавшись от однозначности, однолинейности.

— Во ВГИКе я училась в мастерской Сергея Апполинаревича Герасимова, — рассказывает Меньшикова. — У нас дипломной работой была «Юность Петра» по Алексею Толстому. Я играла в этом спектакле Анну Монс. Столько лет с того времени прошло, а я бы и сейчас эту роль сыграла — очень любила ее. Немочка, Анхен, красотка... Как будто помещански сыта, благополучна, самодовольна, а ведь и ей дано свою трагедию пережить, когда Петр оставляет ее. Это же для Анны крах, полное крушение всех ее с таким трудом добытых благ. Как в сказке о золотой рыбке... Конечно, суть этой трагедии

«ЛЮБЛЮ ЭТУ РОЛЬ»

Интервью с актрисой Ниной Меньшиковой

сама по себе неуважительна, ведь Анна не из любви, не из-за каких-то высоких чувств страдает. Все дело в деньгах, в утерянном благополучии. Но для нее это и есть трагедия. Очень интересно было над этой ролью работать...

Потом была первая большая роль в кино. В «Переполохе» по Чехову я играла гувернантку Машеньку. Тогда в прессе меня хвалили. А по-моему, роль не получилась. Характера не было. Милая, добрая, интеллигентная, беззащитная, мягкая. Но это общие места. Мне кажется, я не нашла своей «критической точки» — вот и образ расплылся...

Точно два начала спорят в этой актрисе. Ее безусловно выраженное стойкое стремление к характерности, к сложному, противоречивому образу, и изначально свойственные ее почерку женственности, лиризм, пастель красок.

Меньшикова действительно числилась по разряду актрис на роли «хороших и несчастных». Редкий режиссер, должно быть, представлял себе актрису в иной роли. Она играла в «Девчатах» тихую, кроткую «маму Веру», где на ее долю, точнее, долю ее героини выпадали всяческие жизненные невзгоды, которые Вера смиренно принимала, оставаясь такой же тихой, благожелательной, добросердечной, не претендующей на самую малость счастья, одинокой среди своих жизнелюбивых, ярких подруг.

В «Чудотворной» В. Тендрякова и В. Скуйбина Меньшикова снималась в роли матери Родьки, Варвары, была настоящей драматична, запоминалась. Но запоминалась все той же тихой обреченностью и безнадежным смирением.

Пожалуй, лишь в «Первом дне мира» Я. Сегеля Меньшиковой удалось вырваться за рамки прочно утвержденного и утвердившегося за ней амплуа. По улицам разрушенного немецкого городка бродит растерянная женщина с ребенком, близкая к помешательству. Ее глаза постоянно расширены от ужаса, ужас этот точно застыл в ней. Фрау Фишер — так зовут женщину — как будто все время в шоке, оглушенная всем происшедшим и происходящим. Фрау Фишер некуда идти, мир чужд и враждебен ей. На протяжении фильма Меньшикова произносит всего несколько фраз, но каждый эпизод, каждый крупный план Меньшиковой — фрау Фишер настолько емко, что ее героиня становится точно символом разоренной,

измученной, изувеченной фашизмом Германии.

На первый взгляд эта работа актрисы стоит как бы особняком. В других ролях, сыгранных Меньшиковой, нет той предельной заостренности, некоторой подчеркнутости, резкости и локальности красок, в общем не свойственных актрисе. Все это накапливалось, собиралось крупными, искало выхода...

— Я прочла сценарий Георгия Полонского «Доживем до понедельника» и не могла отказаться от мысли, что должна сыграть эту роль. Драматургический материал был интереснейшим, пробы дались мне легко. Но в отличие от предыдущих работ я начала с поисков внешнего облика — раньше всегда шла от эмоционального состояния. В гримерной мне затянули волосы, подкололи узел, и я увидела в зеркале свое, но совершенно незнакомое, чужое лицо. Что-то железное, прочное, найденное в прическе, помогло, заставило искать монументальность облика, вообще не свойственную мне. Я стала говорить чуть-чуть громче, ходить тяжелее, репительней... Так я приближалась к Светлане Михайловне — или она ко мне... Не знаю.

В этой женщине многое вызывало во мне жалость. Но я не могла позволить себе роскошь пожалеть ее. Тогда бы ничего не получилось. Я хотела показать ее такой, какова она есть, дать людям понять, что Светлана Михайловна — живой человек, живущий, возможно, рядом с ними. Я не думала, что должна быть на кого-то похожа, играть кого-то из тех, кого я знаю. Я искала характер Светланы Михайловны в себе самой и поняла, что и сама несколько консервативна. Я замечала какие-то отдельные черты Светланы Михайловны в других людях. Но в моей Светлане все это было форсировано, аккумуляровано, укрупнено...

Для меня главное то, что Светлана Михайловна остановилась и вряд ли в силах сделать шаг дальше. Отсюда и мешанство ее, и ограниченность, и примитивность мышления, и отчуждение от своих учеников...

...Светлана Михайловна боится шкльников. Очень изнутри, ненавязчиво, тонко и в то же время постоянно Меньшикова раскрывает этот разрыв между учительницей и учениками. Ей непонятны

их настойчивая самостоятельность, стремление самим все осознать и осмыслить, их желание видеть окружающий мир таким, каков он есть на самом деле. Все это и возмущает, и пугает учительницу. Ведь не только мелкое ханжество заставляет ее протестовать против сочинения одной из учениц о том, что для нее счастье — это семья, дети. Это испуг человека, не привыкшего к простым и прямым словам, к искренности в отношениях. Она способна простить лицемерие, но только не разрушение застенчивых представлений. Все неизбежное неизбежно. От иного Светлана Михайловна — Меньшикова отшатывается. Потому она и не способна понять и принять нравственный кодекс своего коллеги Ильи Семеновича Мельникова, для которого ученики — прежде всего люди со взглядами, убеждениями, мировоззрением. Она даже несколько иронически относится к его позиции, усматривая в ней что-то несерьезное, ребячливое... Но Меньшикова не скрывает и одиночества, которое мучит ее немолдую усталую героиню. Вспыхивает, искренней радостью светится ее лицо, когда Мельников дарит ей цветы — так дорого, так непривычно для нее чье-то внимание, чья-то память. Или разговор ее с Натальей Сергеевной о Мельникове, о их любви. Горькая безнадежность в глазах, в голосе — женское счастье Наташи недоступно ей.

Так сочетание лирического, женственного начала актерской личности Меньшиковой и острой драматургической задачи, поставленной перед актрисой материалом сценария и режиссером, дало отличный результат. Ни в чем не став схемой, токсичной наглядностью, героиня Нины Меньшиковой убеждает в реальности характера Светланы Михайловны.

— Вы удивитесь, наверно, но я люблю Светлану Михайловну. Нет, конечно, такого человека я полюбить не способна. Роль эту люблю. Все, что я сыграла, было заложено в самом сценарии, а с этим нечасто встречаешься. Материал работал на актеров. Еще люблю эту роль потому, что мне удалось ее сыграть, несмотря на мое амплуа «хорошей и несчастной». Удалось стать «несчастной и плохой»...

Мой учитель Сергей Апполинарьевич Герасимов учил нас «не играть с ролью в поддавки». Иными словами, нащупав зерно в роли, до конца отстаивать правду этого характера, не уходя в сторону, не поддаваясь соблазнам использовать какой-то испытанный прием, решить задачу исключительно, упрощенно. Но для этого нужна правда, заложённая в характере драматургом. У Полонского эта правда есть. Поэтому мне интересно было работать. Это для актера большое счастье.

Сейчас Нина Меньшикова репетирует Анну в «Варварах» М. Горького на сцене Театра-студии киноактера. Снова жертва, снова «хорошая и несчастная»? Нет, судя по тому, что сама Меньшикова считает Анну «самым страшным варваром» в этой пьесе. И эту, найденную ею свою правду характера, актрисе предстоит теперь отстаивать на сцене. Очень скоро.

Э. ЛЫДИНА.